

LA BIBLIOTECA DI REPUBBLICA

POESIA STRANIERA

Collana a cura di Francesco Stella

Antologia della poesia russa
a cura di Stefano Garzonio e Guido Carpi

Hanno collaborato:

Bernardo Paoli, Enrico Faini, Maria Sokolova e Caterina Porciani

Edizione su licenza della E-ducation.it S.p.A.

Direzione di progetto: Cinzia Caiazzo

Cura redazionale: Meri Bartolacci, Vittoria Florio, Donata Fornaciari

© 2004 E-ducation.it S.p.A., Firenze

© 2004 Gruppo Editoriale L'Espresso S.p.A. - Divisione la Repubblica, Roma
per questa edizione

Supplemento al numero odierno de *la Repubblica*

Direttore Responsabile: Ezio Mauro

Reg. Trib. Roma n. 16064 del 13/10/1975

Stampa e legatura: Rotolito Lombarda, Pioltello (Mi)

Design copertina: *Lowe Pirella*

In copertina: dipinto di Auguste Renoir, *Lettrice*, particolare

© Bridgeman/Archivi Alinari, Firenze

Il presente libro deve essere venduto esclusivamente in abbinamento al quotidiano la Repubblica. Tutti i diritti di copyright sono riservati.
Ogni violazione sarà perseguita a termini di legge.

Antologia della poesia russa

a cura di Stefano Garzonio e Guido Carpi

LA BIBLIOTECA DI REPUBBLICA

НАСЛЕДНИКИ СТАЛИНА

Безмолвствовал мрамор.
 Безмолвно мерцало стекло.
 Безмолвно стоял караул,
 на ветру бронзовея,
 А гроб чуть дымился.
 Дыханье из гроба текло,
 когда выносили его
 из дверей Мавзолея.
 Гроб медленно плыл,
 задевая краями штыки.
 Он тоже безмолвным был —
 тоже! —
 но грозно безмолвным.
 Угрюмо сжимая
 набальзамированные кулаки,
 в нем к щели глазами приник
 человек, притворившийся мертвым.
 Хотел он запомнить
 всех тех, кто его выносил, —
 рязанских и курских молоденьких новобранцев,
 чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,
 и встать из земли,
 и до них,
 неразумных,
 добраться.
 Он что-то задумал.
 Он лишь отдохнуть прикорнул.
 И я обращаюсь к правительству нашему с просьбою:
 удвоить,
 утроить у этой плиты караул,
 чтоб Сталин не встал
 и со Сталиным — прошлое.
 Мы сеяли честно.
 Мы честно варили металл,

GLI EREDI DI STALIN

Taceva il marmo e il vetro taceva
 baluginando; in piedi,
 nel vento bronzea la guardia taceva.
 E la bara fumava.
 Fumava appena e un respiro colava
 dalle fessure, quando
 lo portarono via dal Mausoleo.
 E la bara nuotando,
 scorreva lenta e urtava coi suoi orli
 le cime dei fucili.
 Ed anche lui taceva, ma taceva
 cupo, con viso ostile.
 Cupo serrava i pugni imbalsamati.
 Si strinse a una fessura
 un uomo che fingeva di dormire
 il sonno della morte.
 Quel morto non voleva scordare più
 i volti di coloro
 che lo rapivan: di Rjazàn, di Kursk
 reclute giovinette.
 Reclute folli che dovranno pagare
 quell'onta, prima o poi,
 quando da terra, raccolte le forze,
 di nuovo sorgerà.
 Egli di nuovo macchina qualcosa,
 attenti, in quella bara
 soltanto a riposar s'è accovacciato;
 ed io prego il governo,
 prego di raddoppiare, triplicare
 la guardia a questa tomba,
 perché Stalin non s'alzi e insieme a Stalin
 non s'alzi anche il passato,
 non il passato valoroso e intatto,
 dov'è Turksib, Magnitka,

и честно шагали мы,
 строясь в солдатские цепи.
 А он нас боялся.
 Он, веря в великую цель, не считал,
 что средства должны быть достойны
 величия цели.
 Он был дальновиден.
 В законах борьбы умудрен,
 наследников многих
 на шаре земном он оставил.
 Мне чудится –
 будто поставлен в гробу телефон.
 Кому-то опять
 сообщает свои указания Сталин.
 Куда еще тянется провод из гроба того?
 Нет, Сталин не умер.
 Считает он смерть поправимостью.
 Мы вынесли
 из Мавзолея
 его,
 но как из наследников Сталина
 Сталина вынести?
 Иные наследники
 розы в отставке стригут,
 но втайне считают,
 что временна эта отставка.
 Иные
 и Сталина даже ругают с трибун,
 а сами ночами тоскуют о времени старом.
 Наследников Сталина,
 видно, сегодня не зря
 хватают инфаркты.
 Им, бывшим когда-то опорами,
 не нравится время,
 в котором пусты лагеря,
 а залы, где слушают люди стихи,
 переполнены.
 Велела не быть успокоенным Родине мне.
 Пусть мне говорят: «Успокойся!» –

il vessillo a Berlino, ma il passato
 dov'è il popolo affranto,
 dov'è calunnia e innocente arrestato,
 abbiamo seminato
 e i metalli saldato onestamente,
 e stretti in lunghe file,
 onestamente noi abbiám marciato.
 Ed egli ci temeva,
 credendo in un gran fine non credeva
 alla necessità
 che i mezzi siano degni di tal fine.
 Egli era previdente,
 le leggi della lotta conosceva:
 molti eredi ha lasciato.
 Ed agli eredi un filo immaginario
 s'allunga dalla bara:
 telefona le direttive Stalin:
 No, non si è arreso Stalin.
 Stalin crede la morte rimediabile.
 L'abbiam portato via
 dal Mausoleo. Ma come toglier Stalin
 dagli eredi di Stalin?
 Taglian rose gli eredi, licenziati,
 ma credono in cuor loro
 d'esser solo in pensione provvisoria;
 ci son poi altri Credi,
 altri eredi che gridan contro Stalin
 Da pulpiti e da spalti,
 e poi piangono di notte sui bei tempi.
 Oggi piovono infarti!
 Per forza essi di infarti sono pieni!
 Un dì furon sue ruote
 ed or non aman questo tempo in cui
 i lagher sono vuoti
 e son colme le sale, ove la gente
 ascolta la poesia.
 Mi ordina il Partito: «Non star calmo!»
 Ed altri: «Basta, calma!»

спокойным я быть не сумею.
 Покуда наследники Сталина
 живы еще на земле,
 мне будет казаться,
 что Сталин — еще в Мавзолее.

Star calmo non so; finché esisterà
 un erede di Stalin,
 a me sembrerà che nel Mausoleo
 ancora Stalin stia.

(Trad. G. Buttafava)